

Е.Л. Пупышева
Елабуга

Интертекстуальные связи в пьесе М.И. Цветаевой «Червонный Валет».

«Театр будущего», – так охарактеризовал В. Вульф драматургию М.И. Цветаевой. Действительно, тема «Цветаева и театр» остаётся недостаточно изученной не только в литературоведении, но и в лингвистике, хотя многие исследователи обращали внимание на некоторые языковые аспекты цветаевской драматургии (П. Антокольский, А. Павловский, А. Саакянц и др.), писали о её дружбе с известными актерами

Второй студии Художественного театра и Третьей студии, руководимой Е.Б. Вахтанговым (С. Голлидэй, семьей Завадских, А. А. Стаховичем).

Как известно, в конце 1917 года П. Антокольский ввёл М. Цветаеву в кружок артистической молодёжи; именно в этот период она и пробует себя в драматургии. За небольшой промежуток времени (1918-1919 гг.) М.И. Цветаевой было написано 6 пьес, которые она позднее намеревалась издать во Франции под названием «Романтика». Несмотря на обширный материал (многочисленные письма, дневниковые записи, стихотворения), практически нет лингвистических работ, посвящённых языковому анализу её ранних романтических пьес. Конечно, отдельные замечания о своеобразии идиостиля пьес М. Цветаевой представлены в трудах вышеназванных исследователей, а также в работах А. Смита и М. Мейкина, в целом же язык романтических пьес ждёт своего исследователя.

Как мы знаем, художественное произведение приобретает необходимую смысловую полноту только благодаря его соотнесённости и взаимодействию с другими в общем межтекстовом (интертекстуальном) пространстве культуры, в котором текст выступает, по мнению Ю. М. Лотмана, «генератором новых смыслов». «...Поэтический язык поддаётся, как минимум, двойному прочтению» – считает Ю. Кристева, а значит, порождает неадекватность понимания и особые ассоциативные связи [1, 5-6]. Романтические пьесы М. Цветаевой, написанные легким изящным языком, поражают читателя своей музыкальностью, пластикой и неординарностью прочтения и восприятия. Мысль поэта движется в своем направлении, поэтому содержание, точнее подтекст пьес трудно уловить и понять, так как «...авторские интенции реализуются прежде всего в монтаже и преобразовании разнородных интертекстуальных элементов» – пишет Н. Николина [2, 226]. Интертекстуальные элементы в составе художественного произведения разнообразны и вступают в новые комбинации уже известных в истории культуры элементов.

Тема нашей статьи «Интертекстуальные связи в пьесе М.И. Цветаевой «Червонный Валет». Мы рассмотрим несколько интертекстуальных элементов (уровней), позволяющих понять специфику поэтического языка М. Цветаевой:

- 1) «обнажение» жанровой связи рассматриваемого произведения с текстом-предшественником, в нашем случае сюжетная связь с пьесой А. Блока «Роза и Крест»;
- 2) заглавие (точечная цитата);
- 3) аллюзии;
- 4) реминисценции

Пьеса «Червонный валет» была написана в 1918 году, в сложной и тяжелый период жизни Марины Ивановны, когда она ищет новые формы самовыражения. «Я стала писать пьесы, делает она запись в дневниковой тетради, - это пришло как неизбежность, просто голос перерос стихи, слишком много воздуха стало для флейты»[3, 342].

Данная пьеса – это по сути всего два действия, короткие и стремительные. Конфликт назревает быстро, он давно знаком: героиня, старый муж, любовник и верный, безнадежно влюбленный "белокурый мальчик", мотивы долга, любви, измены, смерти. Действующие лица, разыгрывающие сюжет, не живые люди, а игральные карты.

Слуга — Червонный Валет — беззаветно любит двадцатилетнюю госпожу Червонную Даму, супругу старого Червонного Короля. Тот отправляется в поход; карты предсказывают Червонной Даме "постель амурную" с Пиковым Королем. Предсказание сбывается; Трефовый и Бубновый валеты, объединившись ради своих королей, которые претендуют на руку Червонной Дамы, готовят заговор: они должны застигнуть любовников во время свидания. Верный Червонный Валет вовремя предупреждает госпожу и погибает за нее, пронзенный пикой Пикового Валета.

Романтический сюжет, выбранный М.И. Цветаевой за основу, навеян пьесой А.Блока «Роза и Крест». Блоковская Изора, жена старого графа,— тоже "роза", которую преданно и безнадежно любит верный рыцарь Бертран, сторож замка. Он помогает возлюбленному своей госпожи проникнуть к ней, в минуту опасности из последних сил подает знак, чтобы тот бежал, и, обессилив, умирает. Как мы видим сюжетное сходство поразительное: романтические герои, условность времени и места действия, любовная интрига, борьба чувства и долга, смерть за прекрасную даму. Следует заметить, что М.И. Цветаеву всегда привлекало трагедийно романтическое начало, столкновение борьбы долга и чувства, удивительное соединение высоких идеалов и низменных помыслов, реальности с бутафорией, а творческие взгляды А. Бока ей были близки по духу.

Но в отличие от А. Блока М.И. Цветаева «нагнетает» мотив трагической обречённости, можно даже сказать, фатальности в судьбе не только Червонного валета, но и Дамы. Подтверждением этому служат стихотворные строки в начале пьесы, неоднократно повторяющиеся:

Дама (сидя, на троне, поёт)
Валет, Валет, тебе счастья нет!
Я – роза тронная.
Валет, Валет, молодой Валет,
Валет червонный мой [3, 28].

Заключительным аккордом трагической обречённости являются следующие строки:

Валет (подымая плащ)
А валету на память, а валету на саван – плащ.
(Отталкивает ногой разбитую лютню.) [3, 39].

Действительно, Валет, этот юный белокурый мальчик, обречён, он, спасая Даму своего сердца, погибает, пронзённый черной пикой Пикового Валета с именем Прекрасной дамы на устах. Обречена и Дама, понимая, что в водовороте страстей она потеряла всё:

Господи, смилуйся, помоги! Иду!
Я великая грешница, я буду гореть в аду. .. [3, 38].

Безликий герой (карта) молоденький мальчик Червонный валет становится олицетворением чести и достоинства, преданности. Спасая свою Прекрасную Даму, он с достоинством принимает свой крест – смерть:

Это карты нагадали.
Здесь никто не виноват.
Жизнь моя – aeternum vale.
Роза тронная – виват! [3, 39]

Название пьесы «Червонный валет» представляет собой «точечную» цитату и в конденсированной форме выражает её лейтмотив: жизнь на острие, т. е. любовь-смерть во имя Прекрасной Дамы. Данное заглавие теснейшим образом связано с текстовыми категориями проспекции и ретроспекции: оно направляет читательское внимание, предсказывает возможное развитие сюжета. С одной стороны, как мы знаем, это масть гадальных карт, а символом Червонного валета является красное сердце (вспомним пылающее сердце Данко, отданное за счастье людей). Для читателя, знакомого с традиционной символикой мастей карт, заглавие уже содержит ключевое слово – любовь. Возвращение же адресата текста к заглавию после прочтения пьесы обуславливает связь названия с категорией ретроспекции. Таким образом, обогащённая новыми смыслами,

«точечная» цитата (заглавие) в аспекте ретроспекции воспринимается как обобщающий знак – «рема». Первичная интерпретация текста уже взаимодействует с читательским восприятием, и поэтому в контексте целого заглавия «Червонный валет» символизирует любовь-роковая страсть (Дама) и любовь-жертва, любовь-смерть (Червонный валет).

С другой стороны, а М.И. Цветаева, безусловно, это знала выражение “червонный валет” появился в России с легкой руки французского бульварного романиста Понсон дю Террайля, книжка которого “Клуб червонных валетов” была переведена на русский язык еще в 60-е годы XIX века. Дю Террайль повествовал о похождениях шайки шантажистов и мошенников, спекулирующих на чужих любовных тайнах и разбивающих сердца и семьи в великосветских кругах Парижа. На русскую читающую публику роман произвел потрясающее впечатление. Почему-то особенно воспринималась не столько галантная, сколько уголовная сторона романа. Об этом говорит хотя бы тот факт, что один из громких уголовных процессов, проходивших в 1870-е годы в Москве, так и назван был газетчиками “Процесс червонных валетов”. На процессе было объединено в одно гигантское дело множество мелких дел всевозможных аферистов и мошенников, следствие велось в течение нескольких лет и широко воспроизводилось в газетах. Подсудимые и их адвокаты публично жаловались, что, окрестив процесс “Процессом червонных валетов”, журналисты придали ему такую неумеренную огласку, какой сами преступления вовсе и не заслуживали. С этих пор - и на долгие годы - выражение или, вернее, кличка “червонный валет” утвердилось не только в обиходной речи, но и в большой литературе и публицистике (Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский). Позднее о процессе червонных валетов появилась книга Станокевича «Червонный валет», а в словаре «Крылатые слова и выражения» червонный валет имеет значение « Червонный валет – вор, обладающий хорошими манерами. Данное выражение возникло во время судебного процесса в Москве в 1877 году; так называли молодых людей, занимающихся выдачей подложных векселей».

Может быть, определённые ассоциации вызывало скандальное название художественной выставки лубочных картин «Бубновый валет», открытой 10 декабря 1910 года. Организаторы выставки (Ларионов и его товарищи) нарочито отказались от претенциозных названий и выбрали эпатажное, шокирующее публику.

Но все вышесказанное ещё не раскрывает нам сути. Вспомним, действующие лица – игральные карты. Тема карт и карточной игры не нова для русской литературы. Чем навеяна Цветаевой тема гадальных карт и само название пьесы? Несомненно, прекрасным знанием традиций русской литературы. Вспомним хотя бы знаменитую «Пиковую даму» А.С. Пушкина. Детскими воспоминаниями? Безусловно. Вероятно, по прихоти

автора в романтической пьесе соединилось все: авторская интерпретация, особое поэтическое видение и творческое переосмысление.

Замысел автора легче понять, обратившись, к детским воспоминаниям, отраженным в её эссе «Чёрт»: «...я к семи годам пристрастилась к картам до страсти. Не к игре, - к ним самим: ко всем безногим и двуголовым, безногим и одноруким, но обратно-головым, и обратно-руким, самим себе - обратным, самим от себя отворотным, сами себе изножным и самим с собою незнакомым высокопоставленным лицам без местожительства...Это было целое живое нечеловеческое племя по-поясное племя, страшно-властное и не совсем доброе, бездетное и бездедное, не живущее нигде, как на столе или за щитком ладони, но тогда и зато – с какой силой!»[4, 92].

Мистическая магия карт («живое нечеловеческое племя») позволила автору, с одной стороны, запрограммировать развитие сюжетной линии (первый, но не главный подтекст понимания идеи пьесы), а с другой стороны, понять внутреннее содержание. Эта пьеса о борьбе высоких и низменных чувств души человека, о силах добра и зла, о чистой любви и роковой страсти, жизни и смерти.

О семиотической специфике карточной игры в её имманентной сущности пишет и Ю. Лотман: « С одной стороны, карточная игра есть игра, то есть представляет собой модель конфликтной ситуации. В этом смысле она выступает в своем единстве как аналог некоторых реальных конфликтных ситуаций.... Однако, с другой стороны, карты используются не только при игре, но и при гадании. В этой их ипостаси активизируются иные функции: прогнозирующая и программирующая. Одновременно выступает на первый план иной тип моделирования, при котором активизируется семантика отдельных карт. В функционировании карт как единого семиотического механизма эти два аспекта имеют тенденцию взаимопроникать друг в друга. Когда у Пушкина мы встречаем эпиграф к «Пиковой даме»: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность», а затем в тексте произведения пиковая дама выступает как игральная карта — перед нами типичный случай взаимовлияния этих двух планов. В этом, в частности, можно усмотреть одну из причин, почему карточная игра заняла в воображении современников и в художественной литературе совершенно особое место ... »[5].

Вот это взаимовлияние двух планов творчески использует М. Цветаева: такая стилизация под картами-масками позволяет острее почувствовать, а точнее сказать, прочувствовать замысел поэта и обыграть тончайшее движение души человека, обнажить маску. Прямым подтверждением этому служит аллюзия-реминисценция: « О, какая чудесная, магическая, бестелесная игра: души - с душою, руки – с рукою, лица – с лицом, всего – только не карты с картой»[4, 94]. Вот что

привлекает поэта – обнажение души, борьба страстей. Вот почему действующие лица – игральные карты.

Ярко и образно представлена другая маска – Пиковый Валет (его символом является пика с чёрным сердцем). В этом образе сконцентрированы все тёмные силы зла:

Черен взгляд и чёрен плащ
Черен с головы до пят.
В черных жилах – яд,
Ад.
Этой пики острие –
Сердце черное мое.
.....
Чья возьмет? – Моя взяла!
Мгла.
Зло для зла.[3,36]

Пиковый Валет и Червонный Валет – это оппозиция сил добра и зла, чести и бесчестия. Отметим, что именно этот образ получился образным и динамичным. Символика карт и здесь оказала своё действие, но чтобы понять характер чёрного злодея, обратимся к следующей аллюзии: «Чтобы всё сказать: игра в *schwarze Peter* была то же самое, что встреча с тайно и жарко любимым – на людях: чем холоднее – тем горячее, чем дальше – тем ближе, чем чуждее – тем *моё*, чем нестерпимее – тем блаженнее... Ведь действия не было, вся игра была внутри... В этой игре, по её бесплотности и страшности действительно было что-то адово, айдово. Убегание от рук *врага*. Так друг другу, в аду, смеясь и трясясь, сбывают горящий уголь»[4, 94-95].

Читая данные строки, понимаешь, откуда яркость изображения, динамичность образа Пикового Валета, темная, адова сила, черная тайна.

Вывод при лингвистическом анализе напрашивается следующий: действия в традиционном понимании нет, вся игра заключается внутри, в раскрытии психологии героев, в порывах страсти и любви, добрых и темных сил. По нашему глубокому убеждению, пьесы М.И. Цветаевой необходимо правильно понять и прочувствовать, а понимание интертекстуальных связей (элементов) позволит соответствующим образом интерпретировать поэтический текст.

Таким образом, взаимодействие интертекстуальных элементов в пьесе «Червонный Валет» определяет его композиционную и смысловую идею и дает нам, почитателям творчества М. Цветаевой, новое осмысление. Об этом в свое время писала и сама Марина Ивановна: «А что есть чтение как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределом слов...»[6, 7].

Литература

1. Кристева Ю. Бахтин: Слово, диалог и роман // Диалог, Карнавал, Хронотип. – 1993. - №3. – С. 5-6.
2. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб.заведений. – М.: Академия, 2003.
3. Цветаева М.И. Театр. – М.: Искусство, 1988.
4. Цветаева М.И. Проза. – М.: Современник, 1989.
5. Лотман Ю.М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века//Лотман Ю.М. Пушкин.— СПб., 1997.
6. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л., 1989.

Заявка

на участие в международной научной конференции
«Марина Цветаева: время и место»

1. Пупышева Евгения Леонидовна;
2. кандидат педагогических наук;
3. доцент;
4. зав. кафедрой русского языка и общелингвистических дисциплин ЕГПУ;

5. 423605, Татарстан, г.Елабуга, ул. Свердлова, д.83, д.т. 8(85557) 4-07-20; р.т. 8(85557) 4-15-21;
6. Интертекстуальные связи в пьесе М.И. Цветаевой
«Червонный Валет».
7. заочное участие